

Праздники

и

игры

**народов
Камчатки**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Общие праздники оседлых и кочевых коряков	4
2. Праздники оседлых коряков	7
3. Праздники кочевых коряков	17
4. Алеутские праздники	25
5. Праздники народов Камчатки в XX в.	29
Заключение	36
Список литературы	39

Введение

Праздники народов Севера издавна привлекают внимание исследователей, лингвистов, этнографов.

В основе обрядов и праздников народов Камчатки всегда лежала их трудовая деятельность. Первобытные праздники выполняли одновременно несколько функций: экономическую, религиозную и т.п., и в них органически переплетались реальные знания о мире с иллюзорными, магическими представлениями. Религиозные обряды и праздники с самых давних времен отражали хозяйственную жизнь людей в фантастической форме.

С развитием производственных сил изменялись производственные и социальные отношения, материальная и духовная культура общества. Однако общественное сознание в силу относительной самостоятельности, как правило, отставало от общественного бытия.

Праздничная и семейно-бытовая обрядность народов Камчатки, тесно связанная с тем или иным уровнем социально-экономического развития и мировоззрения, - явление стадияльного порядка. Общие праздники, характерные для охотничьей стадии, постепенно дифференцируясь, отражали переход к двум хозяйственно-культурным типам в рамках одного этноса. Существующие различия были обусловлены специфическими особенностями производства и связанного с ним уклада материальной жизни.

Дальнейшее развитие обрядности происходило в условиях новых производственных отношений, при которых у народов Камчатки при сохранении традиционных элементов появились общие праздники как регионального, так и общегосударственного значения.

1. Общие праздники оседлых и кочевых коряков

Корякские праздники в целом можно рассматривать как действия в лицах, иллюстрирующие отдельные эпизоды мифов, отображающих охотничий быт древних предков коряков и ительменов.

Праздниками, характерными как для оседлого, так и для кочевого (оленеvodческого) населения в конце XIX—начале XX века у коряков двух подразделений были праздники, связанные с охотой на сухопутных животных и рыболовством.

Обряды, выполняемые по случаю добычи зверя, были связаны с верой в его «оживление», «возрождение» и «возвращение» к охотникам. Поэтому во время охотничьих промысловых праздников старались хорошо «встретить убитое животное», которое считалось желанным гостем, и с почестями проводить его к себе «домой». Миф об умирающем и воскресающем звере является древнейшим охотничьим мифом.

Этот миф нашёл отражение в корякском празднике, который устраивали после охоты на медведя. Корякам, как и многим другим народам, было свойственно особое отношение к медведю. Ему посвящено большое количество преданий и сказок в корякском фольклоре. В некоторых преданиях и сказках упоминается о том, что медведь является ближайшим родственником человека — его двоюродным братом.

После удачной охоты на медведя корякские женщины встречали его, держа в руках горящие головни. Таким способом коряки, как отмечал В. И. Иохельсон, в древности встречали желанных и почетных гостей. После этого одна из участниц обряда надевала на себя шкуру зверя, снятую с головой, и, танцуя, просила зверя не сердиться, быть добрым к людям. Затем голову медведя отделяли, укладывали напротив очага и угощали мясом, приговаривая: «Кушай, товарищ». Угощалась также и деревянная фигура медведя, сделанная специально для этого праздника, т.к., со-

гласно представлениям коряков, изображение любого животного приравнивалось к самому животному и наравне с ним использовалось при выполнении обряда.

Важной частью праздника являлось отправление медведя домой. Собирая его в дорогу, береговые коряки готовили толкушу из ягод, нерпичьего жира, различных кореньев и ритуальную колбасу, набивая мясом слепую кишку этого зверя. Оленеводы забивали для медведя домашнего оленя. Заготовленные продукты укладывали в травяные мешки. Сборы этим не ограничивались. Полагая, что медведь живёт так же, как человек, коряки давали ему предметы, которыми пользовались сами. Аналогичные обрядовые действия коряки устраивали по случаю первой добычи медведя молодым охотником. Шкура этого животного приносила «счастье» молодой семье.

Если медведь служил предметом охоты коряков, то на волка специально не охотились. Отношение к нему было совершенно иное. Он считался, по представлениям коряков, двоюродным братом их мифологического первопредка Куйкынняку, двоюродным братом человека, богатым оленевладельцем и могучим властелином тундры. Наряду с этим коряки видели в нём сильного шамана, способного оживлять умерших.

В случае, если волка убивали, то выполняли ряд обрядов, для того, чтобы умиловать убитого зверя. Оленные коряки забивали домашнего оленя и голову его вместе с телом волка помещали на платформу, установленную на шестах. Голову оленя направляли в сторону востока, так как олень предназначался в жертву Верховному существу.

Ночью, во время проведения праздника, волка «угощали», ставя перед ним блюдо с мясом оленя. Стремясь задобрить его, танцевали под аккомпанемент бубна. К нему обращались: «Начинаем жить хорошо!» Обращались и к Верховному существу с просьбой защитить стада оленей от нападения волков.

Проще по действиям были охотничьи обряды встречи и проводов мелких животных, таких, как лиса, россомаха и т. д. Прежде, чем снять шкуру с лисы, били в бубен, укладывали её около очага и приглашали, как гостью, раздеться и согреться. Снимая шкуру, ей говорили: «Эх, какая худенькая». Вместо снятой шкуры лисе давали новую «одежду», обворачивая морской травой. Прощаясь с ней, коряки засовывали ей в рот сушеную красную икру, делали надрезы по бокам, обозначающие карманы, и укладывали в них сушёную икру, сушёное мясо и кусочки юколы. Самцу давали деревянный ножик, а самке наперсток и игольник. Отправляя гостью, коряки Охотского побережья говорили: «Пойди, скажи товарищам, гостить хорошо, старую кухлянку сняли, новую надели ещё теплее, ещё длиннее. И вы туда гостите!».

У добытых соболей, белки, горностая и евражки они отрезали носы или лапки и привязывали их к связкам семейных *охранителей*, надеясь таким образом обеспечить удачную добычу в будущем.

В условиях низкого развития производительных сил, неустойчивости промысловых источников существования охота не могла полностью обеспечить население. В конце XIX—начале XX века береговые, а отчасти и оленные, коряки вели комплексное хозяйство, сочетая охоту, морской промысел или оленеводство с рыболовством. Комплексность — характерная черта хозяйственной деятельности предков коряков.

В этнографической литературе очень мало упоминаний об обрядах, связанных с рыболовством. Форма проведения этого обряда у береговых и кочевых коряков несколько различна, но смысл его один и тот же — магическим способом заманить рыбу в реки, чтобы обеспечить её добычу в течение летне-осеннего сезона.

Общие обряды и праздники в конце XIX—начале XX века широко бытовали как у береговых, так и у оленных коряков. Но особый колорит их производственной обрядности в этот период придавали праздники и

обряды, отражавшие хозяйственную направленность оседлого и кочевого населения.

2. Праздники оседлых коряков

В цикле годовых праздников оседлых коряков главными являлись те, которые были связаны с добычей морских животных, составляющих основное средство существования населения. Особо почитались коряками отдельных групп крупные промысловые животные, которые на длительный срок обеспечивали продуктами питания и сырьем для различных хозяйственных нужд.

В Охотском и Беринговом морях таким животным с давних пор являлся кит. Промысел кита существовал у алюторцев, коряков северо-западного побережья Охотского моря и у коряков Пенжинской губы. У последних он сохранялся ещё в конце XIX века.

Подробный материал, касающийся *праздника кита*, правда уже мелкого его вида — белого кита, или белухи, — был зафиксирован в начале XX века В. И. Иохельсоном у береговых коряков Пенжинской губы. Основные его моменты заключались во встрече и проходах пойманного животного.

Белого кита встречали все жители селения. Родственницы устроителя праздника, в нарядных куклянках и травяных масках, выносили навстречу киту горящие головни, толкушу, ветки ольхи и ягоды, покрытые жертвенной травой, в качестве которой выступал один из видов осоки. Его «кормили» как дорогого гостя, засовывая в рот ветку ольхи и жертвенную траву. Встречавшие кита женщины и мужчины-охотники с копьями и ножами в руках исполняли ритуальные пляски вокруг небольшого костра, разожжённого около дома от огня домашнего очага.

Основные обряды совершались ночью. Голову белого кита вместе с головами других морских животных заносили в жилище и помещали на

поперечную перекладину над очагом. К ним обращались с приветствиями, в которых выражали радость по случаю прихода «гостей», обращались с просьбой рассказать своим сородичам о хорошем приёме для того, чтобы те тоже посетили гостеприимных хозяев.

После праздничного угощения всех присутствующих на празднике начиналось гадание по лопатке мелких морских животных. По трещинам, которые образовывались от горящего уголька, определяли, благополучно ли доберется кит в море и позовет ли он других китов посетить жителей селения.

В проводах белого кита, которые устраивали на пятые сутки, участвовал хозяин и его родственники. Женщины, снаряжавшие «гостя» в дорогу, надевали на лицо травяные маски — обязательный атрибут этого праздника. Толкушу, предназначенную в подарок киту, укладывали в мешки, сплетённые из травы, и оставляли на крыше жилища. Через три дня после проводов кита, опускания его деревянного изображения в море, её съедали.

Рассмотренный праздник проводился осенью после окончания промыслового сезона. Он носил благодарственный характер.

В некоторых мифах даётся описание не одного, а двух самостоятельных праздников — *Встреча кита* и *Проводы кита*.

Основным элементом первого праздника была встреча кита, добытого охотниками. В нарядных кухлянках, с горящими головнями — знаком особого приветствия, с ритуальными песнями и плясками люди встречали прибывшего, как самого долгожданного и дорогого «гостя».

Первый день этого праздника завершался разделкой туши кита. На второй день устроители праздника делали в полуземлянке для прибывшего «гостя» символическое жилище из осоки. Помимо этого, в тот же день изготавливали новые бубны, используя для покрышек плевры и перепонки печени кита. Обязательными в этот же день были ритуальные

песни и пляски под аккомпанемент новых бубнов. Праздник *Встреча кита* заканчивался распределением мяса, жира и кожи добытого кита.

Подготовка к празднику *Проводы кита* начиналась со сбора кореньев, ягод вербника (разновидность ивы) для ритуального блюда толкуши. Приготовление её сопровождалось исполнением ритуальных песен и ударами в бубны. Праздник этот начинался с исполнения ритуальной пляски всех присутствующих перед «китом», которого символизировали голова и его части, помещённые в «жилище» из осоки. Веселье длилось всю ночь. Все участники были в специальных танцевальных кухлянках. К утру веселье затихало, и начинались сборы к отправлению «кита» к себе «домой». На дорогу «гостю» укладывали в травяной мешок толкушу и мясо.

В завершение праздника происходила раздача мяса, кожи и жира кита не только гостям из соседних селений, но и прибывшим оленеводам. Без подарка никто с праздника не должен был уйти. Хорошая встреча и проводы убитого животного способствовали, как говорится в мифах, успеху в его промысле.

В конце XIX века постепенное исчезновение кита в водах Камчатки вынудило население активно заняться охотой на более мелких животных. Это отразилось не только в названиях праздников, но и в их содержании. Так, алюторские коряки называли их *калилъя-ангыт* (дословно — *нерпичий праздник*) или *милангыгытку-гырн'ын* (*праздник морского зверя*), а также *мимылъянгыт* («лахтажий праздник» или праздник тюлений).

Эти праздники проводили только осенью, после окончания промыслового сезона и чаще всего во время роста луны, чтобы в будущем сезоне было много морского зверя. Благодарственный праздник обязана была устраивать каждая семья, принимавшая участие в промысле. В противном случае они лишались удачи в будущем году.

Для праздника вырезали из дерева и кости или плели из морской травы фигурки различных животных. Изготовленные фигурки «кормили» жиром морских животных, «поили», поливая водой, и укладывали на жертвенное место.

В то время, как женщины и дети плясали, выражая радость по случаю прихода «гостей», а мужчины занимались изготовлением вертушки *шалив*, предназначенной для гадания, хозяин жилища и устроитель праздника в нарядной одежде совершал бескровное жертвоприношение *Морскому хозяину*. Он бросал в огонь, символизирующий в данный момент море, жир морских животных и тонкие ветки тальника.

У всех групп береговых коряков на осеннем благодарственном празднике практиковалось кручение «вертушки» или перетягивание ремня. Если при кручении вертушки ремень лопался вне землянки, то это означало, что морские звери не добрались до родных мест и, следовательно, удачи в следующем году не будет. Если же ремень рвался в землянке, то это указывало на успешный промысел. После удачного гадания «вертушку», «хозяина» и ремень мазали ритуальной толкушей. Ремень от этого снаряда разрезали и раздавали каждому охотнику, как бы передавая ему частичку охотничьей удачи.

В конце праздника или через день после него жители селения ходили друг к другу в гости. При этом они надевали на лицо маски, сделанные из дерева («деревянное лицо»), ровдуги или сплетенные из травы. Свою одежду ряженные выворачивали наизнанку или надевали одежду противоположного пола (мужчины женскую, и наоборот).

Хозяева дома, которых посетили гости в масках, должны были узнать пришедших. Тот, кто не был узнан, имел преимущества. Он мог подойти к хозяину и указать на понравившуюся вещь. Тот не мог отказать пришедшему и обязан был отдать ему то, что он требовал.

Постепенно теряя связь с религиозной обрядностью, уже в начале XX

века, хождение в масках у алуторцев превратилось в один из развлекательных элементов праздника.

Много общего с обрядами праздников, связанных с добычей морских зверей, характерных для большинства береговых коряков, имел осенний праздник *Хололо*. Продолжался он почти полтора месяца (с середины ноября до начала января), так как каждая семья устраивала его по очереди. Присутствовать на нём мог любой житель селения. Каждому входящему хозяйка дома давала пучок «священной» травы (*лаутэн, камэй-ыр'ын, эн'эн*), который служил своеобразным пропуском.

Общими элементами *Хололо*, праздника проводов морских животных и отчасти кита, являлось употребление толкуши (*тылкытыл*) в качестве жертвенной пищи и угощения, кручение вертушки *тэлытэл*, хождение ряженных в масках, исполнение плясок-пантомим, участники которых подражали движениям различных морских животных и птиц и т. д.

Жертву приносили *Гырголалгыну* («находящемуся наверху»), *Ивинилгыну* («покровителю морской охоты»), *Явалкэну* (буквально — «находящемуся снаружи, сзади»), который включал в себя все, что находится на суше, особенно священные сопки и священные камни. Таким образом, коряки как бы задабривали все существа, от которых, по их представлениям, зависели удачные промыслы на море, на суше, здоровье и вообще благополучие в жизни.

Празднующий дом готовился заблаговременно, заранее объявляли о дне проведения праздника. С утра назначенного дня домохозяйка и женщины других домов, обычно родственницы, начинали готовить праздничное блюдо – толкушу. Мужчины – соседи, родственники, с утра ехали в лес, где заготавливали березовые чурки для «вертушек», их изготовлялось столько, сколько было мужчин в доме, включая мальчиков; рубили березовые прутья по два на каждую «вертушку», для обряда «пере-

тягивания», березовые палки для дротиков, березовые чурочки для изготовления фигурок, ольховые чурки для вырезания масок.

По-настоящему праздник начинался в сумерки. К этому времени приходили гости со всего поселка, в основном парни и молодые мужчины, женщины и девушки. Под звуки бубнов девушки и женщины, одетые в расшитые тонкокожие куклянки, начинали пляску, которая представляла собой ритмичные подъемы на носки с последующим перенесением пяток то вправо, то влево. Иногда все это сопровождалось пластическими движениями рук, головы и т.н. «горлохрипением». Последнее было выразительным изображением быстро бегущих запыхавшихся оленей или уставших от быстрого бега собак. Пляски-пантомимы без перерыва продолжались всю ночь, на протяжении всего праздника.

Во время этого праздника полагалось выполнить несколько обрядов в определенной последовательности. Первыми были жертвоприношения. Таким способом коряки как бы задабривали все существа, от которых, по их представлениям, зависели удачные помыслы на море, на суше, здоровье и вообще благополучие в жизни.

Следующим обрядом было «перетягивание» березовых прутьев. Эти прутья, по определению коряков, символ благополучной жизни, счастья семье, поэтому они должны быть втянуты в дом.

Противоборствующая сторона являлась как бы выразителем всех недобрых сил, которые всегда подстерегали коряка и хотели проникнуть в его жилище. Но борьба с ними приводила к победе добрых начал. Они втягивали прут в жилище, уже освобожденный от бремени всего плохого, что оставалось за порогом дома. Таким образом, обеспечивалась «чистота» жилища, куда не могли проникнуть всякие вредоносные существа.

Наиболее яркой частью праздника, в которой участвовали все мужчины, была «вертушка». Вращался «пропеллер» из березы, с двумя отверстиями посередине. В отверстия пропускался ремень. Постепенно, с уско-

рением движения вертушки, ремень рвался. Тогда мужчины бросались к ремню, начиналась за него борьба. Каждый отрезал ремня столько, сколько успевал захватить.

Маленькие вертушки вместо ремня с веревками, сплетенными из травы *лаутэн*, тянули мальчики, подражая во всем старшим.

Существовали обряды, присущие только празднику *Хололо*. Среди них: *къусъыткук*, *хэглъмгыткун*, *ророткок*, *калаткок*, *эффэв*, *кылтылдын* и *илъудил*.

Исполнителями обряда *къусъыткук* были женщины, а главным его атрибутом — деревянная фигурка женского охранителя *Къусдын* в виде сидящей беременной женщины с ребёнком на спине. Этот обряд подтверждал привязанность хозяйки к своему охранителю, веру в его силу, способность помогать благополучному протеканию беременности и охранять детей от болезни.

Обрядовое действие *хэглъмгыткун* устраивали для мальчика, добывшего впервые зверя или птицу. О своем успехе он рассказывал посредством танца-пантомимы и звукоподражанием объекту охоты. Важнейшим элементом обрядовой одежды мальчика был капюшон, сплетенный из травы и имеющий вставки из шерсти или носа животного, пера или клюва птицы, то есть первой добычи юного охотника. После окончания обряда он надевал этот капюшон на голову любого мужчины, который после весенней охоты обязательно дарил мальчику свою добычу.

Этот обряд и обряд *ророткок* — со шкурой медведя или нерпы, которая после выполнения обряда использовалась молодой семьёй в качестве постели и обеспечивала данной семье благополучие, — находят аналогии в рассмотренных выше обрядовых церемониях коряков, связанных с сухопутной охотой.

Успех в промысле и защиту от вредоносных духов коряки-карагинцы надеялись получить после выполнения обряда *калаткок* с деревянным,

антропоморфного типа, охранителем *калак*.

Особенностью праздника *Хололо* была церемония с деревянными фигурками — *эффэв*. Совершение этого обряда связано с почитанием грома и молнии, с охотой на морских млекопитающих. По представлениям коряков, гром и молнии дают материал для каменных (обсидиановых) орудий, а *эффэв* напоминает наконечники стрел. После всех обрядовых действий *эффэв* отправляли «домой», бросая их в огонь. Летом, во время хода рыбы, в дар каждой фигурке все семьи сжигали в лесу по пять горбуш (три самца и две самки).

Продолжением праздника служили пантомимы, при этом действующие лица выступают в деревянных масках. Их делалось столько, сколько в данном доме проживало взрослых, составляющих семью. Маски обязательно делались из ольхи. Держались они при помощи веревочек, сплетенных из травы. Одежда, головные уборы на маскированных вывертываются наизнанку, чтобы их не узнали. Обычно мужчина надевал женское платье и женскую маску, а женщина — все мужское. Оба они с посохами. Войдя в помещение, маски изображали бытовые сцены из жизни поселка, иногда довольно откровенного содержания. Все это сопровождалось шумным весельем, смехом всех присутствующих, которые пытались отгадать, кто же скрывается под масками.

Перед уходом из дома маскированные «очищают» весь дом при помощи посохов от злых существ *нинвиту*, начиная с дальних углов. Они шли по направлению к выходу, размахивая своими посохами, как бы выгоняя на улицу кого-то.

Как отмечает В. Вдовин, коряки несли в своей культуре и быту заметные черты влияния ительменов. Это влияние проникло глубоко и в некоторые стороны идеологии, в частности, и религиозные представления. К числу таких праздников Вдовин относит и *Хололо*.

В этом празднике синтезированы и корякский, и ительменские эле-

менты общей идеи благодарственных осенних праздников, которые отмечались аборигенами Камчатки после многотрудных летних промыслов (охоты, рыболовства и собирательства). Таким образом, людикак бы задабривали все существа, от которых, по их представлениям, зависели удачные промыслы на море, на суше, здоровье и вообще благополучие в жизни.

И.С. Вдовин считал, что приветственный возглас «хололо!» на празднике с тем же названием у карагинцев «есть корякская адаптация ительменского приветственного возгласа, употреблявшегося на празднике „алулу!“ (у северных ительменов) и „алхалалай!“ (у южных)».

Возглас «хололо!» с небольшим изменением (*оло-ло*) являлся важнейшим элементом праздника *Ололо* у паланцев с. Лесная и с. Кинкиль, живущих в большей, чем карагинцы, отдалённости от ительменов.

Важнейшим атрибутом праздника было дерево (ольха, а иногда тальник — разновидность ивы), срубленное ещё летом, когда на нём были листья. Оно обозначало *г'ылгутку* («Дерево удачи»), которое под возглас «оло-ло!» в разгар праздника заносил хозяин дома. Дерево устанавливали в центре жилища, ближе к очагу. К веткам подвешивали символические изображения животных и траву *лаутэн*. Изображения медведей и горных баранов вырезали из толстых веточек ольхи в виде маленьких столбиков с глубоким надрезом по окружности. Весь вечер вокруг Древа удачи паланцы плясали ритуальные танцы и исполняли песни, чаще всего переданные по наследству, и так называемые личные песни.

Обряд *Дерево удачи* имеет много общего с обрядом, который у коряков-карагинцев являлся очень важным на празднике *Хололо*. Но вместо ольхи они использовали берёзу, которую привязывали в центре жилища, к столбу, расположенному рядом с очагом.

Этот обряд направлен, скорее всего, как и большинство обрядов праздника, на получение населением удачи в хозяйственной деятельно-

сти, в частности, в морской и сухопутной охоте. А дерево (ольха — у паланцев, берёза — у карагинцев) символизировало *Древо Жизни* и сакральную связь населения с божествами Верхнего мира, от которых и зависело, как считали коряки, их благополучие.

Интересен в связи с этими представлениями обряд *кылтыльбын* карагинского праздника *Хололо*, участниками которого были юноши и молодые мужчины. Внешне *кылтыльбын* выглядел как состязание, но он явно имел сакральное значение. Для выполнения его на улице недалеко от дома устроителей праздника устанавливали берёзу высотой около 10 м. Ствол её частично очищали от коры и обливали водой, а на вершину привязывали ремни из шкуры лахтака или нерпы, шкуры этих животных или другой ценный предмет. Победителем считался тот, кто достигал вершины и снимал укреплённое там в награду.

Заканчивались *Хололо* и *Ололо* утром. До восхода солнца атрибуты праздника (вертушку *тэлытэл*, охранителей *калакав* и маски) карагинцы уносили в лес и там их оставляли.

После окончания осенних благодарственных праздников оседлые коряки восточного и западного побережья Камчатки закрывали летний вход в полуземлянку, которая в прошлом служила им жилищем, и укладывали байдару на зиму. Закрытие летнего входа и укладка байдары сопровождалась обрядами.

Весной перед спуском байдары на воду также выполняли определенные обряды. Обязательным обрядовым действием при спуске байдары было *эйвыг'эй* (дословно — «делится») — жертвоприношение морю и рекам. Для этого из травы *лаутэн* плели маленькую байдарку, укладывали в неё ритуальную толкушу, и хозяин праздника оставлял её на берегу моря. После спуска байдары коряки, которые продолжали жить летом в той же полуземлянке, открывали летний вход в жилище, расположенный в сторону моря. Тем самым, замечал В. И. Йохельсон, они дава-

ли «свободный проход морскому зверю, как гостю» данного жилища, надеясь на удачу в промысле.

Коряки, переходившие на летний период в другое жилище, совершали в нем очистительный обряд, выгоняя злых духов, якобы поселившихся там в их отсутствие. Этими обрядами заканчивался годовой цикл оседлых коряков.

3. Праздники кочевых коряков

Всецело связанные с домашним оленем, праздники кочевых коряков отражали основные моменты хозяйственного оленеводческого цикла.

В места летнего выпаса, или летовки, уходили, как правило, пастухи молодого и среднего возраста. В стойбище, расположенном около рек, оставались старики, женщины и дети. Они занимались рыболовством, шитьем одежды и домашними делами.

Осенью в конце августа пастухи с табунами оленей возвращались к своим семьям. Соединение стада и стойбища сопровождалось обрядовыми церемониями. Осенний праздник у оленеводов являлся главным из всех праздников годового цикла.

С вечера, после получения известия о приближении стада, в стойбище проводилась тщательная подготовка к проведению обрядовых действий. Женщины мыли посуду, используемую во время праздника, и убирали жилище. Перенос яранги — каркасного жилища на новое место сопровождался в прошлом бескровным жертвоприношением над тремя основными шестами, «кормлением» «чистого» ритуального огня, полученного с помощью деревянного огнива, а также украшением жилища ветками тальника. Подобные ветки собирались в большом количестве и играли важную роль в обрядовых действиях. И это не случайно.

Согласно мифологии, Емэмкут, сын Большого ворона Куйкиняку, прародителя коряков, использовал ветки при создании домашних оле-

ней. В этих ветках, по представлениям коряков, заключалась *ёнат-гыйцын* — «жизнь», «существование», то есть «жизненная сила» оленей.

Женщины занимались приготовлением жертвенной пищи, используя для этого листья и траву, которыми олени питались летом. Их толкли до кашеобразного состояния пестом на каменной ступке. Кашеобразную массу использовали для приготовления толкуши. Помимо этой массы, в неё добавляли ягоды шикши и олений или нерпичий топлёный жир.

Перед началом праздника *Коянайтатык* старый огонь домашнего очага гасили в каждой яранге стойбища. Новый огонь добывали путём трения. Получать огонь таким способом могли только женщины, которые являлись хранительницами домашнего очага и всех семейных амулетов.

Небольшой костер, играющий обрядовую роль при встрече со стадом, разжигали перед входом в жилище. До прихода оленей, с северо-восточной стороны от входа в ярангу, устанавливали несколько нарт.

Утром, до прибытия стада, все жители стойбища надевали праздничную одежду, сшитую из шкур личных оленей.

Прибытие стада к ярангам являлось сигналом для выполнения обрядовых действий. Навстречу ему выходил хозяин, хозяйка и ближайшие родственники. Мужчины потрясали копьём, стреляли из ружей поверх стада, бросали арканы. Мальчики стреляли из луков, сделанных из веток тальника.

Все эти действия были направлены на «очищение» оленей, долгое время находившихся без присмотра и защиты семейных охранителей. Олени, возвратившиеся с районов летнего выпаса, могли, как полагали коряки, принести с собой вредоносных духов, невидимо сопровождавших стадо и способных принести несчастье, болезнь и нанести вред не только обитателям стойбища, но и вернувшимся с летовки домашним оленям.

В то время, как пастухи уходили в стадо отлавливать арканом оленей, мужчины и дети совершали обряд бескровного жертвоприношения.

Объектами обрядовых действий были: «лиственные олени» *вытп'кояв'*, ветка тальника и бусина, которые являлись заменителями живых оленей, юкола и два вяленых гольца с головой *лэв'тэтэв'г'эл*. То есть брали то, что имело отношение к земле, морю и то, что использовалось в пищу.

Важным элементом праздника *Коянайтатык* являлся благодарственный обряд — *миэгыныц*, для которого копьём забивали оленя позади яранги на жертвенном месте — *миытымыны*.

Жертвенных оленей закалывали специальным копьём, иногда очень старым, переданным по наследству из поколения в поколение. Нередко такие копья имели привязанные полоски ровдуги, подвески из меха в виде бахромы, низки бусин или бисера, антропоморфные изображения из кожи или сделанные в виде небольшой куколки и другие амулеты.

Пока мужчины забивали первого оленя, хозяйка яранги разжигала костер с восточной стороны от входа в жилище. Огонь для такого костра добывали при помощи деревянного снаряда молодые женщины (дочь и невестка).

Ночью родственники и гости не спали, пели песни, посвященные оленю, принесённому в жертву, плясали и били в бубны. Огонь, зажжённый с помощью *гычгыя*, поддерживался в течение всех праздничных дней. В очаг подкладывали ветки сухого кедрача. На празднике, а особенно при проведении благодарственного обряда, большинство присутствующих употребляли сушёные мухоморы, которые заготавливались заранее.

Мухоморы, как считали коряки, представляют отдельный народ, являются очень жизненными, дают силу обновления, возможность видеть грядущие неприятности, узнавать причину неблагополучия в данный момент в своей семье и у родственников, общаться с умершими родственниками и путешествовать по другим мирам.

По представлениям коряков-оленевонов, мир, где живет *Хозяин оле-*

ней или, как ещё называли его — «Оленьё бытие», находится на восточной стороне, выше мира покойников. *Хозяин* имеет много оленей. Он один владелец всех оленей и на Камчатке, и на Чукотке. Живет *Хозяин* в большой и красивой яранге. Когда люди осенью приносят в жертву оленей, то обращаются к нему со словами: «Подойди поближе, посмотри, как мы тебе много даём». Он всё это видит и, трясая свою кухлянку, сыплет на землю шерстинки, являющиеся, по представлениям коряков, зародышами будущих оленей. Весной, во время отёла, они превращаются в настоящих оленят. Количество оленей, полученных оленеводами от *Хозяина*, зависело, как считали они, от количества оленей, принесённых в жертву, и от тщательности выполнения обрядовых действий осенью. Завершался благодарственный обряд действием с бубном.

Зимой, в конце декабря—начале января, после дня зимнего солнцестояния, коряки-оленеводы устраивали праздник *Возвращение солнца*. Несмотря на сходство основных моментов праздника, название его у различных групп оленеводов неодинаково. До праздника коряки обязательно перекочёвывали на новое место, находящееся недалеко от прежнего. Из соседних стойбищ приглашались гости. Распорядителем был глава семьи, устраивающий праздник.

Утром, в то время, как женщины разжигали огонь с помощью *гычгыев*, мужчины отлавливали и забивали оленей. Количество забитых оленей определялось необходимостью заготовки мяса на зимний период и числом гостей, которых одаривали во время праздника. По данным В. И. Иохельсона, оленные коряки приносили зимой оленей в жертву «Тому, кто наверху», да и сам праздник устраивался честь этого *Верховного существа*. Часто устроитель праздника жертвовал ему своего лучшего бегового оленя, на котором сам участвовал в гонках. В прошлом гонки устраивались в честь *Коявагыйнын* (дословно — «Оленьё бытие», «Оленьё существование»), в благодарность за оленей, которых он посылал и защи-

щал.

Старые женщины произносили магические заклинания, направленные на обеспечение хорошей зимы и сохранность оленей.

После обильного угощения хозяин стойбища устраивал различные *состязания и игры*. Недалеко от яранг устраивали нарты в два параллельных ряда. Они обозначали ворота. Рядом в снег втыкали шесты, к которым привязывали призы: ремни для арканов, камлейки, табак, ножи, шкуры оленей и ветки тальника — символические олени. Участники гонок, проехав расстояние в 40—50 километров, должны были въехать в ворота и сорвать приз.

Старт и финиш их находился в одном месте. Но финиш был немного дальше старта. Участники гонок, совершая движение не по прямой линии, а почти по кругу, при обгоне должны были объезжать другого участника только с правой стороны. Движение по кругу, как считали оленеводы, должно было «способствовать продвижению жизни семьи устроителей праздника и всех участников вперёд».

Для женщин, так же, как и для мужчин, устраивали пеший бег с палками или бег взапуски — *койкэчавэ*. Устраивалось состязание *подбрасывание*. Смысл его заключался в следующем. Несколько человек, держась за края шкуры лахтака или моржа, приобретённых путём натурального обмена у приморских коряков, подбрасывали вверх участницу или участника, стоящих на её середине. При опускании шкуры он (или она) должен был, падая вниз, стать на ноги, что редко удавалось, поскольку шкура была скользкой.

Выносливость и ловкость проверялись в *борьбе*. Борцы раздевались по пояс и, несмотря на мороз, обхватив друг друга руками, старались, с помощью подножек, уложить противника на лопатки.

Мужчины демонстрировали искусство владения арканом *чав'ат*. Один из участников вращал по кругу шест с ремнём, к концу которого

привязывались рога оленя. Участники состязания по очереди бросали аркан, и побеждал тот, кто набрасывал аркан на рога.

Состязания заканчивались к вечеру. В конце праздника юноши и молодые мужчины, члены семьи устроителя праздника, а затем и присутствующие гости по очереди поднимались по обледенелому столбу, к вершине которого прикреплялись призы: обувь, одежда, ремни и т. п. Тот, кому удавалось подняться наверх, снимал нужный предмет и, глядя в сторону солнца, кричал: «*Тийкытый!*!» («Солнце!»).

После этого заходили в жилище, и женщины «кормили» огонь жиром оленя, смешанного с заячьим пухом. Участники праздника ели оленьё мясо. Пожилые люди употребляли сушёные мухоморы. Все пели и плясали.

Праздник *Возвращение солнца* проводился в каждом стойбище. Продолжением его был массовый забой оленей, проводившийся в феврале. Полученное мясо заготавливали к весне. Забивать и заготавливать оленей помогали гости, приехавшие на праздник. После забоя хозяин стойбища устраивал гонки на оленях, борьбу и другие состязания. С окончанием зимнего праздника у оленеводов начинался период подготовки к отёлу.

В хозяйственной жизни оленеводов отёл является одним из наиболее трудных и напряжённых периодов. В это время коряки устраивали праздник *Каюю* («Оленёнок»), *Коявгыег'ык* («Олени телятся») или Аноан («Весна»).

Во время праздника в жертву *Верховному существу* копьём забивали самого крупного оленя. Голова жертвенного оленя украшалась бахромой из подшерстка новорожденной нерпы-белька, окрашенной в красный или кирпичный цвет, и надевалась на шест, воткнутый в землю. Кровь оленя разбрызгивали по всем сторонам света. Бросая её на запад, «кормили» вредоносных духов, приговаривая: «*Кытчемгынан*» («Чтобы

здоровы все были»). Шкуру жертвенного оленя в дальнейшем использовали при изготовлении «дождевика» для пастухов.

Женщины, обходя вокруг яранги, по ходу солнца, бросали кусочки мяса в отверстие дымохода. Этим стремились предотвратить болезни оленей. После «кормления» *гычгыя* и огня гостей угощали толкушей, мозгом и жиром оленя. При этом хозяйка приговаривала: «Рождайтесь, оленята — *каюю* — хорошими». Праздник сопровождался песнями, в которых выражалась надежда на хороший отёл важенок.

Почти у всех групп оленных коряков праздник молодого оленя — *Каюю* - постепенно слился с праздником рогов *Килвэй/Кэлвай*.

Представления, связанные с поклонением оленьим рогам, содержащим жизненную силу животных, вошли в качестве составного элемента в весенний праздник оленных коряков *Килвэй*. Весной, в апреле, большинство оленей сбрасывают свои рога. За несколько дней до праздника оленеводы собирали ветки тальника (а при многоснежной зиме ветки ольхи), набрасывая на них, как на оленей, аркан. Ветки складывали позади яранги и укладывали на них сброшенные до отёла оленьи рога. На кучу рогов укладывали огнивные доски. Сверху их накрывали дымлёной шкурой оленя.

Хозяева и гости праздника насыщались праздничной пищей. Все стремились в этот день съесть как можно больше, так как оставлять праздничную пищу себе не полагалось. Желаящие употребляли мухоморы. Во время праздника хозяин стойбища обязательно бил в бубен.

Подобный праздник существовал и у чукчей-олленеводов. О том, что, вероятно, и он в своей основе восходит у чукчей к охотничьей обрядности, свидетельствует наличие в начале XX века аналогичного праздника с тем же названием у приморских чукчей.

После весенних праздников *Молодого оленя* и *Килвэй* оленеводы начинали готовиться к летовке. Переход к летнему выпасу сопровождал-

ся жертвоприношением *Верховному существу*.

Весь вышеизложенный материал, характеризующий состав обрядности коряков, живших на рубеже конца XIX—начала XX века в условиях двух хозяйственно-культурных типов, указывает на бытование у них сложного комплекса обрядности, отражавшей специфические особенности производства и связанного с ним жизненного уклада.

Основные компоненты обрядности представляют собой многообразное переплетение элементов духовной культуры, несущих на себе влияние раннего периода развития, когда предки коряков охотились на сухопутного зверя и занимались рыболовством.

Своими корнями в глубокую древность восходит идея умирающего и воскресающего зверя, — идея, лежащая, как в основе производственной обрядности коряков, так и в корякских праздниках и обрядах, связанных с хозяйственной деятельностью. Эта идея проходит красной нитью через промысловую обрядность их ближайших соседей — ительменов, чукчей и эскимосов. Эта же взаимосвязь прослеживается и в обрядах других народов Сибири, занимавшихся охотой и рыболовством.

4. Алеутские праздники

Алеуты (самоназвание унанган), коренное население Алеутских островов (США). Небольшая часть (около 400 чел.) с начала 19 в. живёт на Командорских островах (Россия). По мнению большинства исследователей, алеуты заселили Алеутские острова из Аляски, ответвившись там около 4 тыс. лет назад от близко родственных им эскимосов. До открытия русскими в 18 в. Алеутских островов алеуты занимались охотой на китов и других морских животных, а также рыболовством и собирательством. В начале 19 в. восприняли многие черты русской культуры и приняли православие. В СССР в 1932 на Командорских островах был создан Алеутский район.

Особый интерес представляют игры, ритуалы, праздники алеутов.

В прошлом алеуты проводили игры как на открытом воздухе - на хорошо утоптаных площадках на берегу моря, так и в своих полуподземных жилищах. Национальные игры устраивались во время сезонных праздников, на традиционных праздниках кита, первой байдарки, перехода в зимние жилища, окончания сезона охоты. Для проведения праздника избирались распорядители из числа уважаемых людей, которым все беспрекословно подчинялись. Вокруг игровой площадки рассаживались так, что женщины оказывались с одной стороны, а мужчины - с другой.

Один из основных праздников – *Праздник зимнего солнцестояния* – сопровождался плясками, драматическими представлениями охотничьих сцен и мифологических сюжетов, раздачей подарков. Обряды, предшествовавшие охотничьему сезону, славились пантомимами и танцами под пение и бубен. Исполнители надевали специальные головные уборы и деревянные маски.

Песенный фольклор был чрезвычайно развит. На праздниках мужчины под звуки бубна воспевали подвиги предков, удальство в промысле, ловкость в управлении байдарой. Во время игр, обрядовых действий и исполнения сказок пели под аккомпанемент многострунной щипковой мечевидной цитры (чаях), которую позднее заменила гитара.

Ученый и просветитель И.Е. Вениаминов записал многие игры и праздники алеутов. С 1824 во 1834 г. он был миссионером на Алеутских островах.

В частности, игра *какан*. В игре принимают участие две пары соперников. На земле рисуют два больших квадрата на незначительном расстоянии друг от друга. Внутри квадратов проводят три линии. Каждая пара играющих располагается у края своего квадрата. Стоя на коленях, игроки поочередно забрасывают в другой квадрат деревянные или ко-

стяные кружочки. Кружок должен попасть на одну из линии. К тому же, бросая кружок, играющий должен сбить им другие кружки, уже лежащие на линии. В случае промаха надо повторить бросок. Когда одна из пар соперников использует все свои кружки, тот, у кого их на линиях окажется больше, получает в награду несколько палочек. Игра продолжается до тех пор, пока все палочки три раза не перейдут к одной и той же паре.

Описание игры *калуба* дано в книге И. Барабаш-Никифорова "В стране ветров и туманов" (1934 г.). У играющего в руках кольца и чурка. Их обычно вырезали из дерева и украшали резьбой. Кольцо напоминает большую ложку, в ковше которой вырезан круг-кольцо. Чурка - конусообразный снаряд, похожий на веретено. Играющий подбрасывает чурку, которая острым концом должна попасть в кольцо. Некоторые мастера попадают до ста раз подряд. Похожая игра есть у эскимосов. Только в кольце у них было три отверстия разной величины, что затрудняло выигрывать. Играли на дробь, порох, пистоны, а то и на простой щелчок.

Алеутская национальная борьба. Это соревнование описано В. Иосельсоном в материалах об алеутском фольклоре, изданных в 1923 г. Борьба происходила на специальной площадке, в круге из копий, воткнутых в землю древками острием вверх. Раздетые по пояс борцы, соревнуясь в силе и ловкости, должны были оторвать противника от земли и поднять его над собой. Игра велась достаточно серьезно: ведь оторванного от земли противника победитель старался бросить на острие копья. Естественно, что сегодня это условие неприемлемо и копья играют чисто декорационную роль.

Охотник. Стрельба из лука по мишени. Стрельба производится на расстоянии 25-50-100 шагов. Мишень делается из соломенных жгутов, свернутых в круг. Алеутский лук отличается от традиционного тем, что тетива протянута вдоль его наружной стороны. Стрелы имеют заостренные костяные наконечники (плоские или с зазубринами). Некоторые

стрелы украшены оперением из расщепленных перьев.

Перетягивание на судатих. Судатих - короткое копьё с каменным острием. Соревнующиеся садятся друг против друга, вытянув ноги вперед и упираясь пятками в пятки противника. Держась двумя руками за копьё, по команде каждый тянет его на себя. Задача - сдвинуть противника с места.

Перетягивание на ремне. Заимствовано у чукчей. Двое играющих садятся друг против друга, скрестив ноги. Им на шею надевается кольцо из ремня. По команде каждый старается перетянуть соперника, сдвинуть его с места.

Перетягивание на руках. Заимствовано у чукчей. Участники садятся друг против друга. Средними пальцами правых рук сцепливаются, а левыми руками упираются в левое плечо соперника и стараются сдвинуть его с места.

Лестница. Эта забавная лестница была постоянным атрибутом традиционных зимних праздников алеутов *Укамах*. Праздники проводились поочередно в разных селах. К ним долго готовились, сочиняли песни, сценки, изготавливали костюмы и маски. В середине праздника традиционная лестница (бревно с зарубками) убиралась. На ее месте ставили лестницу, сделанную из надутых пузырей или надутых чучел. По ней мог спуститься только самый ловкий. Вариант такой лестницы представляет собой сооружение, на котором крепятся (подвешиваются на веревках) прочные шесты - один ниже другого. Получается что-то вроде лестницы с подвижными перекладинами, висящими в воздухе. Края шестов украшены надутыми пузырями сивучей или нерпы. Пузыри разрисованы, а внутрь вложены различные побрякушки. Участник соревнования вбегаёт по наклонно установленному бревну и, переступая с шеста на шест, пытается спуститься вниз. Соревнование сопровождается пением и игрой на алеутском бубне, который не только аккомпанирует, но и пере-

дает состояние участника (дрожь от страха, уверенность и т.п.).

5. Праздники народов Камчатки в XX в.

Кардинальные изменения, произошедшие в хозяйственной деятельности не только оседлых, но и кочевых народов, внесли существенные изменения в их производственную обрядность. Береговое население, хозяйственная деятельность которых в корне изменилась, не проводили уже обрядовых церемоний, связанных с почитанием морских животных (кита, лахтака и т. д.). Из всех праздников годового цикла оседлых коряков в 70—80-х годах XX века ещё сохранялся, правда, и то в трансформированном виде, только осенний праздник *Хололо*.

В декабре, с появлением новой луны, несколько семей пос. Карага по очереди устраивали его в своих домах. Современное *Хололо*, утратив религиозный смысл, превратилось в весёлый, радостный праздник для жителей посёлка. Традиционное обрядовое действие — кручение вертушки *тэлытэл*, выполняемое в прошлом для определения удачного промысла на морских животных в предстоящем сезоне, приняло теперь форму своеобразного состязания, в ходе которого определялись сила и ловкость соревнующихся.

Иной характер имеет и хождение ряженных в масках. Являясь только развлекательным элементом праздника, оно сопровождается шутками, вызывающими смех и веселье присутствующих. Большое место в празднике отводится национальным танцам и песням подражательного характера, исполнители которых передавали движения и голоса морских животных и птиц.

Подобный праздник — *Ололо* — иногда празднуют некоторые семьи паланцев. Обязательным атрибутом *Хололо* и *Ололо*, как и прежде, является бубен. Но сейчас он используется коряками исключительно в качестве музыкального инструмента.

Кочевые коряки, не совсем утратившие в 1970—1980-х годах связь со своим основным занятием — оленеводством, — сохраняли некоторые праздники годового цикла. В отдаленных поселках Севера Корякского автономного округа население иногда (раз в несколько лет) проводит осенью праздник *Коянайтатык*, для которого в большой степени было характерно наличие религиозных обрядов.

Жителей посёлка, как и прежде, заранее информировали о дне, когда стадо личных оленей будет выпасаться поближе. Владельцы сохранившихся яранг, установленных недалеко от посёлка, разбирали их и устанавливали рядом с тем же местом. Для праздника заготавливали ветки тальника, камни для обкладки очага, готовили традиционное блюдо толкушу, растирали на каменной ступке листья тальника, используемые при разбрасывании пищи на четыре стороны света.

При подгоне стада к ярангам жители посёлка забивали от двух до пяти оленей. Обязательным элементом этого праздника являлось добытие «чистого» огня с помощью древнего, деревянного, лучкового прибора — гычгый, кормление костным жиром оленя семейных охранителей.

После проведения всех обрядовых действий — встречи стада выстрелом из ружья и детских луков, бескровного жертвоприношения (символический забой заменителей живых оленей и разбрасывание жертвенной пищи сторонам света), «кормления» огня, огнивого прибора и семейных «охранителей», — строили маленькую ярангочку из дёрна, веток тальника и мелких камней, которую сохраняли в неразобранном виде в течение всего года. Но в последние годы проведение осеннего благодарственного праздника всё больше и больше становится проблематичным. Если он проводится, то значительно реже.

Пастухи Олюторского и Пенжинского районов ещё недавно устраивали весной праздник *Килвэй*, сочетающий в себе элементы праздника рогов и праздника молодого оленя. Для гостей, прибывших из соседних

оленоводческих бригад и центральной усадьбы совхоза, забивали копьём жирного оленя, варили мясо.

В стадах, где работали люди пожилого возраста, ещё сохранялось обрядовое «кормление» огня, которое выполнялось женщинами, когда они, обходя вокруг меховой палатки, по ходу солнца, бросали наверх жилища, ближе к трубе железной печки, жертвенную пищу из кусочков варёного мяса оленя, толкуши и заячьего пуха. Часть этой жертвенной пищи бросали под кучу оленьих рогов со словами: «Рождайтесь *каюю* («оленьята») здоровыми!».

Но в большинстве районов современный *Килвэй* в значительной степени трансформировался. Он утратил большую часть религиозных обрядов, а те из них, которые сохранялись, выполнялись оленеводами по традиции. При наличии снега пастухи устраивали гонки на оленях, в которых принимали участие гости.

В тех районах, где стада в весеннее время находились недалеко от центральных усадеб, коряки, прибывшие из посёлка, соревновались в гонках на собачьих упряжках. В настоящее время *Килвэй*, так же как и *Коянайтатык*, проводится очень редко, и чаще всего проведение его ограничивается выполнением лишь некоторых обрядов.

Переход к летнему выпасу оленей в настоящее время редко сопровождается какими-либо обрядами. Но при переправе через реки во время летней кочёвки пастухи всё ещё забивают жертвенного оленя.

Люди пенсионного возраста, постоянно живущие в посёлке, не принимающие уже непосредственного участия в выпасе оленей, но психологически ощущающие неразрывную связь с оленеводством, устраивали иногда, в один из воскресных июльских дней, символический праздник *Кояг'ыягыйнын* (дословно — «гонки на оленях»).

Устраивался и пеший бег. Часть дистанции вместе с соревнующимися бежал кто-нибудь из членов семьи, организовавшей праздник. Уча-

стник этого состязания, прибежавший первым, срывал на финише веточку тальника, привязанную к большой ветке. Тальниковая ветка-приз символизировала в данном случае оленя. Её сжигали после состязания в доме обладателя «приза». Осенью, когда стадо личных оленей жителей посёлка выпасалось поблизости, организатор *Кояг'ьягыйнын* отдавал победителю в пешем беге настоящего оленя, который становился его собственностью.

Подобный праздник с символическими «гонками на оленях» начинает занимать важное место и в обрядности оленеводов северо-восточной части Камчатки. Поводом для его проведения могли быть: 1) непредвиденные обстоятельства, требующие улучшения ситуации в семье; 2) приезд родственников; 3) «чтобы детей держать», то есть передать им традиции своей культуры.

Устроителем праздника была семья, которая и выставляла призы: шкуру лахтака, нерпы, росомахи т. п. «Призовым оленем» у них также была веточка тальника, заменявшаяся при благоприятных обстоятельствах на живого оленя. После соревнований гостей угощали национальной пищей, кровяным супом и варёным мясом оленя.

Основные религиозные обряды на традиционных праздниках, сохранившихся у коряков до сих пор, исполняются, как правило, пожилыми женщинами. Молодёжь, принимающая в них участие, выполняет обрядовые действия только по наставлению старших. Многих обрядов они уже не знают, не могут объяснить и назначение предметов религиозного культа, что свидетельствует о значительных изменениях в жизни и культуре этого народа об исчезновении социально-экономических условий, при которых существовали данные архаические представления.

За последние десятилетия (до 1990-х годов) у коряков появились новые праздники, в том числе связанные с хозяйственной деятельностью. Наиболее популярный из них — *День оленевода*, ставший уже общекор-

рякским праздником, в котором участвовали все жители посёлка, а также оседлые коряки, не имевшие в прошлом отношения к оленеводству.

Особый интерес у всех вызывали гонки на оленьих упряжках на расстоянии от 30 до 40 километров, в которых принимали участие 15—20 гонщиков. Пастухи-олeneводы показывали в этом виде мастерство, которого они достигли в обучении ездовых оленей. В гонках на собачьих упряжках участвовали в основном жители посёлка. Здесь и расстояние, и круг непосредственных гонок был значительно меньше.

Ярким зрелищем корякского праздника являлась национальная борьба *енницгыйцын*, по правилам которой участники боролись, раздевшись до пояса, несмотря на мороз. Побеждал в этом виде состязания тот, кому удавалось первым положить своего соперника спиной прямо на снег. В беге взапуски, или, как его называют сейчас в округе, *бег с палками*, принимали участие не только мужчины, но и женщины. Молодые пастухи демонстрировали своё умение владеть арканом, набрасывая его на движущиеся по кругу рога оленя, привязанные к шесту, который держал один из участников состязания.

Не меньший интерес вызывал *Подъём по обледенелому столбу*. На вершине такого столба привязывали призы: ремни лахтака, национальную обувь, предметы бытового назначения и т. п.

Своей ловкостью поражали зрителей участники состязания *Подбрасывание на шкуре* лахтака, которые после приземления старались удержаться на ногах на её скользкой поверхности. В этих видах соревнования участвовала только молодёжь. Победители всех видов соревнований награждались призами.

По времени проведения и основным элементам *День оленевода* совпадал с традиционным праздником, который устраивался оленными коряками после дня зимнего солнцестояния. Национальные развлечения (гонки на оленьих упряжках, бег с палками или посохами в руках, мета-

ние аркана, борьба), являющиеся, как и все остальные обрядовые действия, важными элементами, были тесно связаны с религиозной и социальной обрядностью. Они играли большую роль в традиционной системе физического и трудового воспитания подрастающего поколения, а в более раннее время — и военного воспитания. Зимний праздник коряков-оленеводов носил ограниченный характер, так как непосредственными его участниками были члены одной большой патриархальной семьи.

Современный праздник *День оленевода*, не имеющий религиозной обрядности, вышел за рамки семьи и приобрёл массовый характер. Он являлся и пока является не только региональным, но и весьма почитаемым и распространённым среди малочисленных народов Северо-Востока, Западной Сибири и Европейского Севера, занятых в оленеводстве. Для каждого народа, наряду с общими элементами праздника, таких как торжественная часть, спортивные состязания, ярмарка и выступления артистов художественной самодеятельности, присущи свои этнические особенности, которые проявляются, в первую очередь, в национальных видах спорта.

Корякские национальные развлечения сохраняют и в настоящее время то ценное, что было выработано в течение длительного времени. Это — подвижный темпераментный характер состязаний, требующий от участников большой физической силы, выносливости, ловкости, умения управлять ездовыми оленями и собаками, а также зрелищность выступлений. Являясь эффективным средством физического воспитания молодёжи, эти состязания получили широкое признание у коряков. Вот почему в округе в 1970—1980-х годах неоднократно поднимался вопрос о развитии национальных видов спорта, включении их в программу подготовки спортсменов в детско-юношеских спортивных школах.

В наши дни большими спортивными праздниками, обязательным элементом которых являются национальные виды спорта, отмечаются

самые разнообразные события в жизни коряков.

Общность культурных традиций, в частности, большое сходство народных видов спорта коряков и их ближайших соседей - чукчей, позволяет с успехом проводить межокружные соревнования, способствующие сотрудничеству этих народов в труде и спорте. Помимо национальных игр, в программу состязаний включаются такие виды спорта, как тройной прыжок с места, бег в мешках, лыжные гонки и другие виды спорта, которые восприняты коряками от русских.

Заключение

Анализ праздников и семейно-бытовой обрядности народов Камчатки позволяет выделить в их формировании несколько этапов, каждый из которых определялся всей совокупностью экономических и общественных отношений конкретной эпохи.

К наиболее ранним следует отнести обряды и праздники, возникшие на стадии присваивающей формы хозяйства — сухопутной охоте и рыболовстве. С переходом к двум типам хозяйства — охоте на морских животных и оленеводству — происходит усложнение промыслового культа: изменение объекта почитания, установление сезонности в проведении праздников. В годовом цикле главными были осенние праздники, носившие благодарственный характер.

Важным моментом было установление сезонности, соответствовавшей основным периодам промысла, приходившимся на весну и осень, когда возможна была массовая добыча морских животных. Сезонность также была обязательным элементом производственной обрядности кочевых коряков и чукчей, основным занятием которых было оленеводство. По всей вероятности, существовавшая у предков коряков и чукчей сезонность охоты на дикого оленя во время миграций (весной — на побережье моря или в сопки, осенью — в район лесотундры) легла в основу годового цикла оленеводов.

Несмотря на усложнение, отдельные элементы раннего периода органически вписались и сохранили своё значение в обрядовых действиях морских зверобоев и оленеводов. На новые объекты была перенесена идея умирающего и воскресающего зверя, сохранилось сакральное отношение к почитаемым животным во время проведения праздников.

Сопоставление оленеводческих праздников соседних народов указывает на наличие в них значительных черт сходства, совпадающих до де-

талей. Типологически сходные черты прослеживаются у них в осенних, зимних и весенних праздниках, а также в благодарственных обрядах.

Общие элементы в корякских праздниках и обрядах с традициями соседних народов были обусловлены не только сходными географическими условиями, способствующими складыванию общих форм хозяйственной деятельности, но и интенсивностью их этнокультурных контактов в прошлом.

Параллели в обрядности северных народов, возможно, объясняются и общностью происхождения этих народов. Результатом взаимосвязей и взаимовлияний, контактов, имевших место в разные периоды времени, могут быть объяснены элементы общности в обрядности локальных групп коряков, приморских чукчей, азиатских эскимосов и ительменов.

Переход к новому типу хозяйственной деятельности способствовал перестройке не только хозяйства, материальной культуры, социальных отношений, но и частичному изменению прежних мировоззренческих представлений. В годы советской власти под влиянием социалистических преобразований экономики, общественных отношений, быта и культуры произошли значительные изменения в обрядности коряков.

Праздники общесоюзного, а затем и общероссийского значения, вошедшие в быт коряков с современной культурой, включают в себя наиболее ценные элементы традиционной корякской культуры: национальные виды спорта, национальные танцы и песни и т. п.

Обряды и праздники, как и многие явления культуры, не останавливаются в своём развитии. К сожалению, экономическая ситуация последних десятилетий способствовала частичному либо полному исчезновению некоторых, очень хороших по содержанию и духовному настрою, праздников и обрядов. Редким стало и проведение традиционных праздников. Коряки, особенно люди старшего поколения, в значительной степени связывают нынешнее неблагополучие в традиционных отраслях их

экономики, в быту, материальной и духовной культуре с нарушением традиций, отходом от заветов предков. Особенно болезненно современное состояние традиционной культуры переживают оленеводы.

Осознание народом необходимости сохранения своих традиций — действительно очень важно, и хочется надеяться, что этот сложный период в духовной культуре коряков постепенно перейдёт к восстановлению и возрождению добрых традиций, обрядов и праздников, выработанных коряками на протяжении тысячелетий и появлению новых.

Список литературы

1. Арктика – мой дом. Народы севера Земли. Культура народов Севера: Попул. энцикл. – М.: Сев. просторы, 2001. – 290 с.
2. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, 1973. – 303 с.
3. Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. – СПб: Наука, 2004. - 152 с.
4. История и культура ительменов: историко-этногр. очерки / под общ. ред. А.И. Крушанова. – Л.: Наука, 1990. – 208 с.
5. История и культура коряков / под общ. ред. А.И. Крушанова. – СПб: Наука, 1993. – 236 с.
6. Нилов В. Народные игры алеутов: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.kamlib.ru/resources/aleutgames.htm